

УДК 81.913

DOI: 10.15393/j14.art.2015.44

Статья

Олонецкие пашенные солдаты в годы русско-шведской войны 1656—1658 гг.¹

Брусницына Дарья Владимировна

Петрозаводский государственный университет,
пр. Ленина 33, 185910, Петрозаводск, Россия;

младший научный сотрудник Управления научных исследований,
структурное подразделение ГБТ 653-14

Аннотация. Статья посвящена уточнению событий, происходивших в Олонецком уезде во время русско-шведской войны 1656—1658 гг. в ходе проникновения шведских войск на приграничную территорию Российского государства. Основное внимание уделено проблемам, возникавшим в деятельности олонецких воевод — сначала П. М. Пушкина, затем В. А. Чоглокова и С. П. Елагина — при выполнении царских указов по укреплению русско-шведской границы и города Олонца, а также сборам пашенных солдат, часть которых должны были оборонять уезд и город, в то время как другие отправлялись на театры военных действий. В статье впервые приведен перечень сожженных шведами в 1657 г. поселений и дворов Олонецкого погоста, а сами деревни локализованы на карте, что позволяет восстановить маршруты продвижения шведов вглубь территории.

Ключевые слова: Карелия; XVII век; Олонецкий уезд; XVII век; русско-шведская война 1656—1658 гг.; пашенные солдаты.

Историография. Русско-шведская война 1656—1658 гг. остается малоизученной. В особенности недостаточно исследовано положение карельских пашенных солдат в это время. Несмотря на то, что об участии олонецких полков в боевых действиях в Корельском уезде не раз упоминалось в работах по истории Карелии и русско-шведской войны, далеко не все аспекты как привлечения пашенных солдат к обороне уезда и войне за его пределами, так и разорения «порубежных» деревень Олонецкого погоста шведами в 1657 г. изучены в должной мере.

В настоящей работе мы не останавливаемся на причинах войны и развитии дипломатических отношений между Россией и Швецией, также как не будем рассматривать ход военных действий. Статья задумана и написана с целью заполнения пробелов в локальной истории северо-западного российского приграничья. Среди исследователей, рассматривавших те или иные аспекты русско-шведской войны 1656—1658 гг. в контексте истории Карелии, следует назвать С. С. Гадзяцкого, А. С. Жербина, Г. М. Коваленко, А. Ю. Жукова [7], [8], [10], [9]. Опира-

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-31-01225a2

ясь на большой массив документов из фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА), а также на некоторые опубликованные акты, наиболее подробно реконструировал последовательность военных действий в Корельском уезде и на приграничной территории Олонецкого уезда, а также деятельность олонецких воевод в связи с событиями войны, С. С. Гадзяцкий. К фактам, изложенным в его фундаментальной статье [7], в последующем не было добавлено почти ничего нового о собственно военных действиях. Отдельные дополнения касались некоторых сведений об олонецких воеводах, начальных людях полков пашенных солдат, численности и составе самих полков, солдат и драгун. Об этом в рамках изучения истории реформирования армии писал О. А. Курбатов [12]. В связи с военным строительством в России XVII века сюжет русско-шведской войны исследовал А. В. Малов [13].

Источники. Методы. Источниковой базой для настоящей статьи послужили документы, хранящиеся в РГАДА: челобитные, а также переписка воевод и других должностных лиц с московскими приказными людьми и между собой по вопросам обороны Олонецкого уезда, по организации сборов пашенных солдат, о вынесении решений по жалобам и просьбам «разоренных» «порубежных» местных жителей. Особый интерес представляют две обнаруженные автором росписи сожженных шведами в январе 1657 г. деревень Олонецкого погоста [3: 33—45]. В одной представлен перечень поселений с указанием дворов солдат, которые находились во время вражеского нападения в уезде; во второй — служивших в «литовской» или «свейской» землях. Сравнительный анализ информации этих росписей в сопоставлении со сведениями из переписных книг И. С. Дивова, также датируемых 1657 г. [1], позволяет более точно определить какие деревни пострадали от набега шведов, а также установить полный состав обитателей этих населенных пунктов.

Помимо обычно применяемых в исторических исследованиях научных методов (контент-анализ, историко-сравнительный) в статье использована историко-географическая локализация деревень, разоренных шведами, на карте. Поскольку ближайшей по времени создания к изучаемому времени является карта Генерального межевания конца XVIII века¹, именно она послужила основой для виртуальной привязки сожженных шведами в 1657 г. населенных пунктов.

Карельские пашенные солдаты в период русско-шведской войны 1656—1658 гг. К началу войны со Швецией в 1656 г. многие «прибранные» в Олонецком уезде солдаты уже получили боевое крещение в военных действиях русско-польской войны, участвуя в боях с самого начала кампании 1654 г. Вчерашним черносошным крестьянам, находясь в полевой армии, пришлось испытать голод и холод, нехватку средств на самое необходимое для выживания. Многие из них были ранены, другие изувечены, некоторые погибли в боях и осадах². Уже имели место случаи дезертирства из полков, а также бегство из родных деревень, чтобы избежать отправки на театры военных действий. С началом русско-шведской войны в 1656 г. ситуация усугубилась. У олонецких воевод возникли серьезные проблемы со сбором солдат как для охраны границы, то есть укомплектования ратными людьми гарнизонов порубежных острожков и города Олонца, так и для отправки войска под город Корелу «для промысла над свейскими немцы».

¹ В 2010—2011 гг. в Петрозаводском государственном университете в рамках поддержанного РГНФ совместного проекта Исследовательской лаборатории локальной и микроистории Карелии (ИЛЛМИК, руководитель к. и. н., доцент И. А. Чернякова), действующей на Исторической факультете (с 1 сентября 2014 г. факультет преобразован в Институт истории, политических и социальных наук) и Отдела ГИС РЦНИТ, возглавлявшегося А. М. Шредерсом, создан научно-образовательный ресурс «Теоинформационная система «Генеральное межевание Олонецкой губернии»» (проект № 10-01-12145в): <http://maps.karelia.ru/mez/#>. См. статьи [16], [17].

² По данным переписных книг И. С. Дивова 1657 года, за 1654—1656 гг. погибло и умерло 2404 олонецких солдата [15: 122], [6: 111, 116—117].

Переписка олонецких воевод с центром в годы войны наполнена их повторяющимися из отписки в отписку жалобами на непослушание солдат, на их нежелание служить и отказ явиться в Олонец для участия в обороне от «немецких воинских людей», и тем более для отправки воевать за пределы уезда. Те же солдаты, которые все-таки отправились вместе с воеводой П. М. Пушкиным под Корелу, вскоре, по его словам, разбежались, унеся с собой полученные из государевой казны мушкеты.

На «малолюдство» в городе Олонце и невозможность малыми силами уберечь город и уезд от шведов воевода П. М. Пушкин жаловался уже осенью 1656 г. По возвращении из похода под Корелу воевода писал из Олонца в Москву 20 октября, что «для береженья от приходу немецких воинских людей» он велел построить три острожка на границе: в Кондушской и Туломозерской волостях, а также в устье реки Олонца [7: 259] и разместить там начальных людей и по роте салдат [5: 173, 191]. Также он добавил, что в походе с ним была тысяча солдат и многие из них разбежались, а из Заонежских и Лопских погостов высылщик Иван Коковинский всех драгун и солдат отправил в полк к воеводе А. Н. Трубецкому, поэтому оберегать Олонецкий уезд некому, и что кроме того, хлебных запасов в Олонце мало и в случае прихода шведов «ратных людей прокормить будет нечим»; также мало было «свинцу, пушечных ядер и фитилю» [5: 173—174, 206, 306].

В начале января 1657 г.: 6-го числа, когда шведы действительно вторглись на территорию Олонецкого уезда, в городе-крепости Олонце находились всего лишь 370 пеших солдат и ни одного человека конного [4: 228]. Однако они вышли навстречу неприятелю и шведы, не решившись атаковать, отошли от города. Олонец не пострадал, но другие населенные пункты Олонецкого погоста, находившиеся на пути отходившего отряда, подверглись страшному разорению. Было сожжено 6 церквей, 66 деревень, а в них 304 двора [7: 262], [4: 234]¹. Из челобитных разоренных солдат и посадских людей узнаем, что от «немецких людей» пострадали Кондушская, Каванская, Видлицкая, Тулоская волости, а также дворы жителей посада, находившиеся около Олонца. Солдаты, чьи дворы разорили «немцы», оказались в тяжелом положении. Они потеряли все свое имущество, заготовленные на зиму продовольственные запасы и сено, а также скот. Тем не менее, воеводы и начальные люди продолжали требовать от них явки на учения и караулы, несмотря на то, что они согласно челобитным оказались «босы и наги», «разоренные» скитались «меж дворами» в Олонце вместе с женами и детьми [3: 25—28]. Также были сожжены все суда, которые после похода под Корелу, стояли на реке Олонце («большие карбасы и полукарбасы и гребные суды») [2: 22].

С. С. Гадзяцкий утверждал, что на выручку к Олонцу выступили драгуны и солдаты из Заонежских погостов. Не успев предупредить сожжение деревень, они побили многих шведов и взяли в бою 3 пушки и 300 мушкетов [7: 262]. Однако в документе, на который исследователь дал ссылку (отписка новгородского воеводы Ивана Голицына в Москву), сведения о боевой схватке заонежских солдат со шведами получены из непроверенного на тот момент источника: от новгородского посадского человека Юшки Давыдова, который уехал из Олонецкого уезда как раз 6 января 1657 г., узнав о приходе «немецких людей». Уже по дороге

¹ В Приложении 1 к настоящей статье впервые приведен перечень деревень и солдатских дворов, сожженных шведами в январе 1657 г., обнаруженный в РГАДА (Ф. 141. Д. 24. Л. 33—45). Судя по перечисленному количеству сожженных шведами дворов (273) и пострадавших солдат (325), этот перечень является полным, несмотря на то, что в нем указано только 42 деревни. Полагаем, что еще 24 деревни находились в тех волостях, по которым в росписях даны только перечни разоренных дворов с именами солдат, в них проживавших (см. Прил. 1). Меньшее число дворов можно объяснить тем, что в росписи были внесены только солдатские дворы. Локализовать на карте Генерального межевания удалось примерно половину сожженных деревень, тем не менее очевиден маршрут продвижения шведского отряда и масштаб причиненного им разорения (см. Прил. 2).

в Новгород он услышал от повстречавшихся ему помещичьих крестьян «с Тихвины», что заонежские драгуны и салдаты побили шведов и взяли у них упомянутые выше пушки и мушкеты. Воевода Голицын обещал государю выяснить, так ли действительно обстояло дело, но других сведений в документах, подтверждающих реальность того боя, нам пока не встретилось [4: 183—189]. Воевода П. М. Пушкин, сообщая в Москву о нападении на Олонец, ничего не сообщил о погоне за шведами. Наоборот, он в очередной раз сетовал на «малолюдство» и непослушание солдат, которые из Заонежских погостов «на Олонец нейдут», в том числе потому, что город «рублен в одну стену, а валу земляного нет и от приходу ... болших воинских немецких людей ... сидеть страшно» [4: 228].

Пострадавшие солдаты Олонецкого погоста долго еще не могли прийти в себя после январского разорения шведами их деревень. Отчасти этим можно объяснить, что вместо того, чтобы укрепить данный участок границы, собрать там солдат, распределить по острожкам для предотвращения нового нападения из-за рубежа, воеводы сообщали в Москву, что «порубежные волости» обезлюдели, а солдаты с семьями «бегают по лесам» и выходить на охрану границы не желают.

В то же время ожидался новый приход «немецких людей» в уезд. Прибывшему на Олонец 21 марта 1657 г. воеводе В. А. Чоглокову сразу же доложили, что в Кореле собралось много «немецких воинских людей» (400 человек конных и 1600 пеших) и собираются они идти под Олонец и в Олонецкий уезд. Воевода сообщил в Москву, что в Олонце малоллюдно, собрать солдат вскоре «никоторыми меры немочно», а солдаты порубежных волостей «от немецких сполохов» разбежались в дальние города и уезды с женами и детьми и найти их невозможно [2: 22]. Однако эта тревожная новость, изложенная в отписке вновь прибывшим воеводой, дошла до Москвы только в начале апреля, тогда как шведы вторглись в «порубежную» Туломозерскую волость Олонецкого погоста (от Олонца 70 верст) уже 29 марта 1657 г. Вследствие вышеназванных проблем со сбором солдат этот набег не был встречен организованными воинскими частями и, соответственно, снова не был остановлен.

Ранее в историографии об этом инциденте русско-шведской войны не было известно почти ничего. С. С. Гадзяцкий, со ссылкой на И. Коскинена, утверждал, что после январских событий в военных действиях на территории уезда наступил длительный перерыв, продолжавшийся до лета 1657 г., когда отряд из 300 всадников сжег на русской стороне большую деревню Туломаярви [7: 262]. Однако ничего кроме данного краткого упоминания автор не сообщил. А. С. Жербин, поддерживая точку зрения Ю. Картунена, отметил, что деревню Туломозеро шведы сожгли во время олонцкого похода [8: 62—63], то есть в январе 1657 г. Г. М. Коваленко также полагал, что после сожжения деревень, находившихся рядом с Олонцом, шведский отряд в январе 1657 г. двинулся на север в направлении Туломозера, разоряя все на своем пути [10: 72]. А. Ю. Жуков, несмотря на то, что изучал события русско-шведской войны и деятельность олонцких воевод в это время, почему-то проигнорировал труд С. С. Гадзяцкого. Но даже использование работ А. С. Жербина и Г. М. Коваленко, во многом опиравшихся на материал, введенный в научный оборот С. С. Гадзяцким, не помогло исследователю избежать ошибок в изложении событий зимы 1656/57 г. А. Ю. Жуков полагает, что осада Корелы войсками П. М. Пушкина была снята только в 1657 г., после нападения шведов на Олонец, где, по мнению автора, «держал осаду вновь назначенный на Олонец воевода В. А. Чоглоков» [9: 216], что совершенно неверно. Воевода П. М. Пушкин вернулся в Олонец уже 20 октября 1656 г., а к Олонцу шведы приходили 6 января 1657 г. О набеге шведов на Туломозерскую волость А. Ю. Жуков не пишет ничего. По нашим данным, этот набег — следующий после январского — состоялся, как выше уже упомянуто, 29 марта 1657 г. [2: 183].

Анализ нескольких обнаруженных нами документов, зафиксировавших сам набег и действия олонецких властей в связи с дошедшей до их сведения новостью, позволяет более полно представить ситуацию, сложившуюся в приграничных волостях Олонецкого уезда в 1657 г., равно как отношение олонецких солдат к своим обязанностям по исполнению воинского долга и их боеспособность как таковую.

Итак, в отписке, поданной 22 апреля 1657 г., олонецкие воеводы В. А. Чоглоков и С. П. Елагин сообщили в Москву следующее: 1 апреля они получили письменное сообщение от сержанта Горской волости Олонецкого погоста Ивашки Микитина «с товарищи» о том, что к ним в Горскую волость пришел солдат Ведлозерской волости Минка Селиванов и сказал, что «на Видлозеро прибежал» из Туломозерской волости солдат Трифонко и принес весть о нападении на Туломозерскую волость «немецких воинских людей», которые «многих крестьян с семьями побили и деревни пожгли», а за ним Трифонком «гнались версты с четыре». Узнав о свершившемся нападении шведов, олонецкие воеводы послали из Олонца роту солдат во главе с капитаном Кондратием Пятого и отряд из двухсот донских казаков во главе с атаманом Евсеем Яковлевым¹, приказав им идти в Горскую, Видлозерскую и Туломозерскую волости и выяснить, много ли шведов пришло туда и, если мало, то «на тех немецких людей идти и поиск чинить и языками промыслять». И уже 3 апреля воеводы получили первые сведения от посланного отряда. Придя в Горскую волость, капитан Кондратий Пятого послал в Туломозеро «для проведыванья про немецких людей пеших людей на лыжах». Капитан пояснил, что на лошадях было не проехать, так как многие речки и озера «попотило», а в ручьях «зажоры от воды болши». Когда «вестовщики» вернулись, они сообщили что удалось узнать. Оказалось, отряд шведов был небольшим («человек со сто»). Придя в Туломозерскую волость, эти шведы сожгли церковь и деревни «дворов с полтора ста», а из людей пострадал только один сержант, получивший ранение, да двоих «робят» нападавшие взяли в плен. После они отошли обратно в Корельский уезд [2: 70—72].

Таким образом, первоначальная информация, полученная от сбежавшего от погони солдата Трифонки о том, что шведы многих крестьян с семьями побили, оказалась преувеличенной. Вряд ли он сознательно ввел в заблуждение олонецких воевод. Более вероятно, что впечатление о большом количестве побитых местных жителей возникло у солдата на фоне испуга от погони. Хотя следует признать, что жертвы среди местного населения могло бы быть многочисленными, если бы солдаты и другие крестьяне вместе со своими семьями не разбежались по лесам, о чем также сообщил в Олонец Кондратий Пятого. При этом свои родные деревни люди покинули не в день нападения, а гораздо раньше. Об этом свидетельствует тот факт, что в леса были перевезены не только жены и дети, но и имущество волостных людей².

Что касается погони за шведским отрядом, Кондратий Пятого сообщил, что ему с ратными людьми идти за «немцами» было невозможно, так как те были конными, а у донских казаков «лошади худы», а пешим людям шведов было не догнать. Таким образом, несмотря на то, что весь Олонецкий уезд был милитаризован — почти все мужчины являлись обучен-

¹ Донские казаки были присланы в Олонец из Ладуги по государеву указу воеводы Александра Потемкина незадолго до описываемого набега шведов — в конце марта 1657 г. [2: 16—17].

² Отметим особо, что в переписных книгах И. С. Дивова имеются перечни имен жителей всех «порубежных» волостей и почти всех сожженных деревень Олонецкого погоста. Таким образом, переписчику как-то удалось собрать всех солдат и крестьян для переписи. Не исключено, что он воспользовался сказками волостных старост, но это было бы нарушением с его стороны, так как все жители для переписи должны были являться к нему на смотр и, если кто-то не являлся, в книгах это фиксировалось соответствующей записью «на смотре не был». Так, о Видлозерском погосте, где для переписи не пришел ни один человек, И. С. Дивов сообщал, что они «из домов своих с женами и с детьми выбежали и живут по лесом, росписей не дали и для переписки к смотру не пошли» [1: 272].

ными и вооруженными солдатами, предназначенными в первую очередь для охраны своих родных мест, — очередное разорение шведами олонецких деревень осталось безнаказанным. Очевидно, что привлечение многих олонецких солдат к участию в войне с Речью Посполитой за два года так обескровило и обессилело пашенных солдат, надолго отрывавшихся от выполнения крестьянских работ на своих деревенских участках, что когда пришло время применить полученные военные навыки, встав на защиту родной земли, на это уже не было сил и солдаты, собрав имущество, вместе с семьями разбежались по лесам. Кроме того, следует учитывать, что численность солдат в порубежных волостях, безусловно, была недостаточной для боев со шведами, если бы в уезд вторглись все собранные в Корельском уезде «воинские люди», а подкрепления из других Заонежских погостов не пришло.

Получив неутешительные сведения о поведении пашенных солдат, скрывшихся от врагов вместо того, чтобы дать им отпор, олонецкие воеводы велели Кондратию Пятого беглецов этих «из лесов собрать и устроить ротами» и по «корельскому рубежу» поставить острожки «для оберегания от приходу немецких людей ... и крепости в тех острошках учинити и салдатом ... в тех острошках стояти з болшим береженьем» [2: 72]. Однако капитан отписал, что выполнить это поручение не удалось, так как солдаты из лесов «в роты и для острожного дела нейдут», а кроме того пояснил, что острожки до лета построить невозможно, видимо, как из-за климатических особенностей местности, так и из-за нехватки рабочих рук. Сообщая в Москву о сложившейся ситуации, воеводы напомнили, что многим олонецким солдатам «для их пожара» (имеется в виду разорение деревень шведами в январе 1657 г.) по государеву указу в службе дана льгота¹, а кроме льготчиков в Олонце «по караулом налицо» всего человек «с триста», и что в Заонежские и в Лопские погосты для сбора солдат посланы начальные и посадские люди. Сообщалось также, что к 8 апреля в Олонец оттуда не пришел ни один солдат, а к 15 апреля собралось всего 50 человек.

Выводы. Таким образом, ситуация по охране уезда и города Олонца весной 1657 г. сложилась критическая. Из-за малолюдства опасность захвата этой территории шведами была крайне велика. Предчувствуя такое развитие событий и не желая нести военную службу, некоторые солдаты сбегали из Олонецкого уезда в другие уезды и города: Москву, Ярославль, Каргополь, Великий Новгород, на Белоозеро и в Старую Русу [2: 185]. Тем не менее, несмотря на явную опасность, грозившую Олонецкому уезду — вскоре после разорения Туломозерской волости в апреле 1657 г. воевода Чоглоков получил новые сведения о том, что в Кореле и Корельском уезде собрались более 3 000 немецких «воинских людей», — из Москвы продолжали требовать сбора в Заонежских и Лопских погостах 4 000 солдат и отправки их всех на другие театры военных действий. Воевода сетовал, что в случае выполнения этого указа защищать Олонец будет некому [2: 186—187]. К тому же И. С. Дивову было велено отыскать в уезде и отправить в полк к воеводе Александру Потемкину 1 269 беглых драгун [2: 182].

Конечно, в Москве задумывались об усилении обороноспособности города Олонца. Из вольных «охочих» людей в уезде было велено набрать 200 стрельцов [2: 190—191]. Также для того, чтобы не отвлекать пушкарей и стрельцов «на посылки» по разным делам, в Олонец было указано направить «на вечное житье» 25 семей «новокрещенов» из Великого Новгорода [2: 201]. С мая 1657 г. велась активная переписка об укреплении города Олонца [2: 204—210, 327—332, 368—372], однако, в отличие от ситуации 1649 г., когда прибывшие в конце марта воеводы Ф. Ф. Волконский и С. П. Елагин смогли быстро организовать местных жителей на возведение нового города-крепости Олонца, которое удалось завершить уже в октябре, спустя без малого десять лет, в 1657 г., когда речь шла всего лишь об укреплении городских стен ввиду возможной осады шведами, воеводы В. А. Чоглоков и тот же С. П. Елагин, сообщали, что «города

¹ Из другого документа известно, что такая льгота была дана 332 солдатам [2: 182—183].

Олонца укрепить и около города рву выкопать и сделать нечем и некем, лесу готового нет и салдаты из Заонежья по высылкам нейдут» [2: 209]. Таким образом, уже в середине русско-шведской войны стали очевидны плачевные итоги предпринятой реформы по привлечению практически всего черносозного населения Олонецкого уезда к военной службе.

ИСТОЧНИКИ

1. Переписные книги солдат и крестьян Заонежских и Лопских погостов Ивана Семеновича Дивова 1657 г. // РГАДА. Ф. 137 (Боярские и городовые книги). Оп. 1. Олонец. Кн. 5. 1130 л. с об.
2. Таможенные, кабацкие и другие всякие дела двинские, вологодские, нижегородские, усольские и олонечские // РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Д. 65. Ч. 2. 444 л.
3. Дело о наборе солдат в Олонце и в Заонежских погостах, также о бежавших из полков оных стран новонабранных // РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Д. 24. 178 л.
4. Переписка Разряда о военных действиях против шведов и охране рубежа (главным образом о высылке в пограничные места служилых людей Новгородского разряда и о вестях) // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. Стб. 387.I.
5. Переписка Разряда о военных действиях против шведов с полковыми воеводами // РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Приказного стола. Стб. 301.II.

ЛИТЕРАТУРА

6. Брусницына Д. В. Переписные книги Ивана Дивова 1657 г. как источник по истории карельских пашенных солдат // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: Исторические науки. Историография. Источниковедение. Методы исторических исследований. 2012. № 21 (101). С. 108—117.
7. Гадзяцкий С. С. Карелия и южное Приладожье в русско-шведской войне 1656—1658 гг. // Исторические записки. Т. 11. М., 1941. С. 236—279.
8. Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. / Под ред. А. Г. Манькова. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1956. 79 с.
9. Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: НовГУ им. Я. Мудрого, 2003. 256 с.
10. Коваленко Г. М. Карелия в русско-шведской войне 1656—1658 гг.: Препр. докл. на Учен. совете Ин-та яз., лит. и истории 29 июня 1978 г. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1978. 76 с.
11. Курбатов О. А. Русско-шведская война 1656—1658 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. Доклады и сообщения участников международной конференции, приуроченной к работе в Государственном Историческом музее выставки «Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке» 15—17 мая 2001 г. Труды ГИМ. Вып. 133. М., 2002. С. 150—166.
12. Курбатов О. А. Организация и боевые качества русской пехоты «нового строя» накануне и в ходе русско-шведской войны 1656—1658 гг. // Архив русской истории. Вып. 8. М.: Древлехранилище, 2007. С. 157—197.
13. Малов А. В. Русско-шведская война 1656—1658 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. Доклады и сообщения участников международной конференции, приуроченной к работе в Государственном Историческом музее выставки «Орел и лев. Россия и Швеция в XVII веке» 15—17 мая 2001 г. Труды ГИМ. Вып. 133. М., 2002. С. 126—149.
14. Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 295 с.
15. Чернякова И. А., Шредерс А. М., Ляля Е. В., Черняков О. В. Геоинформационная система «Генеральное межевание Олонецкой губернии» // Глобальные и региональные проблемы историче-

ской географии: Материалы IV международной конференции по исторической географии (г. Санкт-Петербург, 25—28 апреля 2011 г.). СПб., 2011. С. 234—239.

Чернякова И. А. Водлозерье — поселенческие ландшафты и социальный потенциал в свете историко-географических данных конца XVIII века [Электронный ресурс] // CARELiCA : Научный электронный журнал. 2013. № 1 (10). С. 19—39. URL: http://carelica.petrus.ru/2013/Chernyakova_1.pdf. — (10.06.15).

Приложение 1

Деревни Олонецкого погоста, сожженные шведами в январе 1657 г.*

№	Названия деревень	Количество сожженных дворов	
		I ¹	II ²
1	Кербяла / Кярбиницы	1	2
2	Гошкила	2	2
3	Кучила / Кучела	2	1
4	Кирила	—	2
5	Корвала	1	1
6	Юксеницы / Юкселицы	18	17
7	Сивцелы	4	—
8	Понкала	4	—
9	Сибола	2	—
10	Сисола	—	1
11	Лескеля / Лескела	3	3
12	Нуронова	—	1
13	Кокала	2	—
14	Сивцела	2	1
15	Антула	4	1
16	Ругала	2	2
17	Годунова	4	—
18	Руела	3	3
19	Павкила / Паркила	2	3
20	Гамала	5	1
21	Ерола	3	1
22	Михалевичи	6	1
23	Кюхкела / Кюхкола	3	1
24	Суботина	2	—
25	Черная сова	2	—
26	Погост	1	—
27	Федотовская	1	1
28	Земцова	2	—
29	Куневицы / Кунивицы	3	1
30	Еровицы	4	1
31	Пракила	4	1
32	Пергиницы	4	—
33	Вашкиницы	1	—
34	Алексеницы	4	—
35	Горка	1	—
36	Каровицы	2	—
37	Федотова / Федовская	2	2
38	Игаченицы	—	1

№	Названия деревень	Количество сожженных дворов	
		I ¹	II ²
39	Балагурова	—	2
40	Мойжевицы	4	1
41	На пороги	1	1
42	Подубно	1	—
	Волость Кондуши и Каванна ³	25	13
	Волость Видлица	28	14
	Волость Тулокса	31	5
	Итого сожженных дворов: 273 . В них проживало 325 солдат .	196 ⁴	77 ⁵

* Источник: «165 году февраля в 8 день роспись позженным разореным салдатом, которых пожгли в Олонецком погосте немецкие многие воинские люди, деревень и дворов; и тому роспись» // РГАДА. Ф. 141. 1657. Д. 24. Л. 33—45.

Примечания:

¹ I — Солдаты из этих дворов в момент нападения шведов находились в уезде.

² II — Солдаты из этих дворов в момент нападения шведов находились на службе в «литовских» или «свейских» землях.

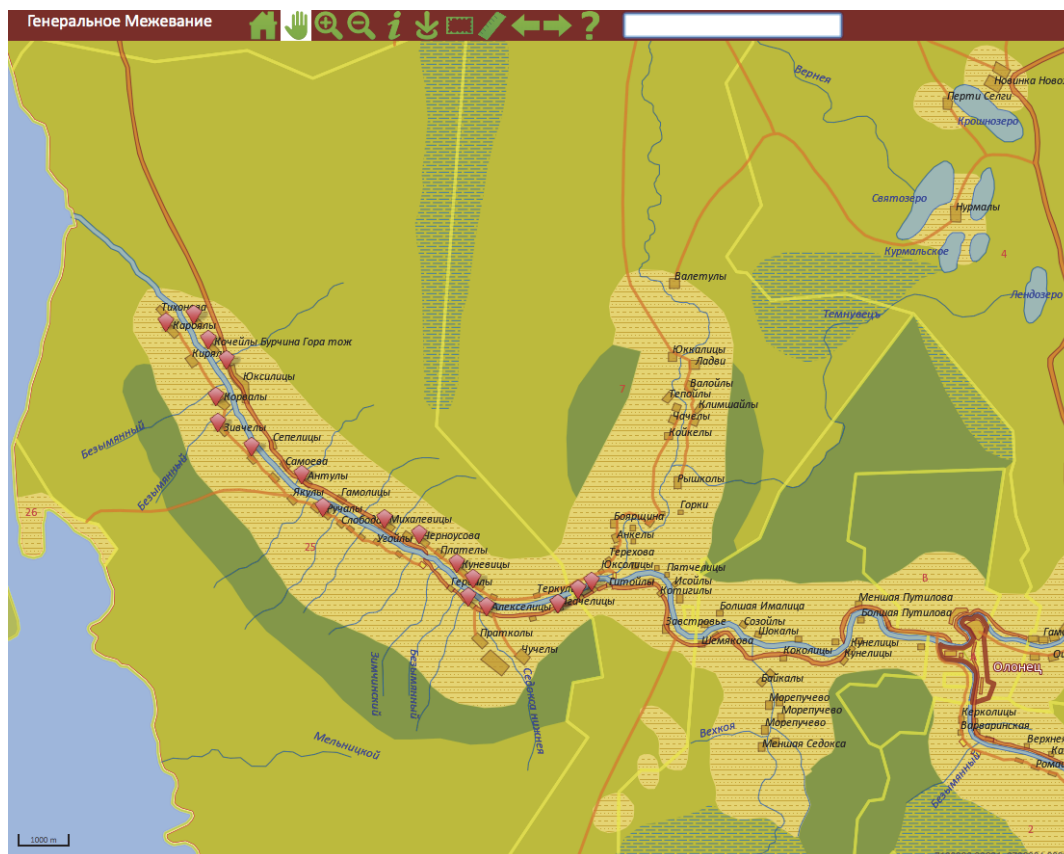
³ В списках сожженных шведами дворов в Кондушской, Каванской, Видлицкой и Тулокской волостях дано только общее количество дворов без указания названия деревень.

⁴ В этих 196 дворах проживало 233 солдата.

⁵ В этих 77 дворах проживало 92 солдата.

Приложение 2

Локализация сожженных шведами в январе 1657 года деревень на карте Генерального межевания**

** Источник Олонецкий погост 1790 г. Источник: Геоинформационная система «Генеральное межевание Олонецкой губернии» [Электронный ресурс] / И. А. Чернякова, А. М. Шредерс, Е. В. Ляля, О. В. Черняков // Петрозавод. гос. ун-т. — Электрон. дан. — [Петрозаводск], 2011. — URL: <http://maps.karelia.ru/mez/>. — (10.06.15).

Olonets ploughmen soldiers during the russian-swedish war 1656—1658.

Daria V. Brusnitsyna

PhD, Junior researcher, The Office of Scientific research,
State budget Project 653-14,

Petrozavodsk State University

Abstract: The article is devoted to some events that took place in the Olonets uezd in the years of the Russian-Swedish war (1656-1658) and connected with and the threat of the arrival of the Swedish troops in the border area of the Russian state. The main attention is paid to the problems encountered in the activities of the Olonets Governor, first P. M. Pushkin, then V. A. Cholakov and S. P. Elagin, with the execution of the Tzar decrees on the strengthening of the Russian-Swedish border and the town of Olonets, and a collection Olonets soldiers, some of whom had to defend the uezd and the fortress, and the other part to go to the war fields. The paper first lists the burnt by the Swedes in 1657 villages and courtyards of Olonets pogost, and the villages shown on the map, which gave the opportunity to see the route they move through the area.

Key words: Karelia; Olonets uezd; the 17th century; Russian-Swedish war (1656—1658); ploughmen soldiers